91.7.2
К-644

259
694

МІРОСОЗЕРІЦАНІЕ И ГЕРОИ

МАКСИМА ГОРЬКАГО

ІРЕДЪ СУДОМЪ ПРАВОСЛАВНАГО ЧИТАТЕЛЯ.

Священника Н. А. Колосова.

№27872.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1904.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
Общес...
Академии ... СССР
204
65
259
694.

МІРОСОЗЕРЦАНІЕ И ГЕРОИ
МАКСИМА ГОРЬКАГО
ПРЕДЪ СУДОМЪ ПРАВОСЛАВНАГО ЧИТАТЕЛЯ [1]).

№ 27872.

Едва ли не самый популярный писатель въ Россіи и одинъ изъ наиболѣе популярныхъ за границей — въ настоящее время Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, пишущій подъ псевдонимомъ Максима Горькаго. Не только Антонъ Чеховъ, этотъ весьма недавній кумиръ русской читающей публики, но даже Левъ Толстой — въ послѣднее время остаются какъ то въ тѣни за заслонившимъ собою почти весь читательскій горизонтъ Максимомъ Горькимъ. У насъ въ Россіи въ настоящее время произведенія Горькаго и его личность служатъ—и не только въ интеллигентныхъ слояхъ общества — предметомъ напряженнаго интереса, восторженныхъ похвалъ, толковъ, изученія, комментированія; каждое новое его произведеніе встрѣчается какъ литературное событіе; успѣха, какой выпалъ на долю его послѣдняго произведенія—«На днѣ», удостоивались лишь весьма немногія русскія драматическія произведенія. За границей же (Горькій переводится почти на всѣ европейскіе языки, — иногда даже сразу въ нѣсколькихъ переводахъ,—равно весьма извѣстенъ и въ Америкѣ и Японіи) его уже провозгласили геніемъ, властителемъ душъ, соціальнымъ пророкомъ и т. п. и всю русскую литературу

[1]) Публичное богословское чтеніе, произнесенное въ залѣ Епархіальнаго дома въ Москвѣ 17 марта 1903 года.

сводятъ почти къ нему одному; его именемъ названо образовавшееся недавно въ Германіи общество для изученія русской литературы; а пишется о немъ тамъ едва ли даже не больше, чѣмъ въ Россіи.

Всякое не совсѣмъ обыкновенное явленіе вызываетъ естественный вопросъ о причинахъ его. И въ данномъ случаѣ такой вопросъ напрашивается самъ собою. Но такъ какъ изслѣдованіе причинъ необычайной и такъ внезапно возникшей популярности Горькаго не входитъ въ нашу задачу, то мы скажемъ лишь вообще, что причинъ этихъ много и что къ нимъ нужно отнести, помимо несомнѣнной талантливости Горькаго, всеобщую, у насъ начавшуюся въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, демократизацію литературы, а въ послѣднее время, подъ вліяніемъ отчасти марксистскихъ идей, и усиленный интересъ къ тому классу общества, который почти исключительно воспѣваетъ Горькій; значительную, хотя далеко не совершенную, новизну предмета; широту фантазіи, смѣлость замысла, парадоксальность взглядовъ, оригинальность пріемовъ и остроту поставленныхъ вопросовъ, въ связи съ необычностью и исключительностью жизненной судьбы самого автора. Съ поразительною смѣлостью развернулъ Горькій предъ удивленнымъ обществомъ картину жизни и понятій класса, живущаго на днѣ соціальнаго зданія и въ большей своей части считающагося подонками общества, и бросилъ прямо въ лицо этому обществу упрекъ въ лживости основъ, которыми оно живетъ и которыя способствовали созданію этого класса.

Необычайная популярность Горькаго, парадоксальность его взглядовъ и сужденій и то широкое сочувствіе, какое встрѣчаетъ проповѣдуемая имъ теорія переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, — встрѣчаетъ всюду и не только въ интеллигентныхъ кружкахъ,—невольно и неизбѣжно ставятъ предъ мыслящимъ и не чуждающимся литературы православнымъ христіаниномъ вопросъ: какъ онъ долженъ относиться къ

сочиненіямъ Горькаго, насколько вѣрно изображаетъ этотъ послѣдній народную душу, въ какомъ отношеніи къ исконнымъ завѣтамъ православнаго русскаго народа стоятъ и міросозерцаніе Горькаго и идеалы его героевъ, и какъ разобраться въ той путаницѣ взглядовъ и понятій, какая вносится ими въ жизнь? Наше чтеніе есть посильная попытка отвѣтить на эти вопросы.

Какъ извѣстно и какъ нами выше замѣчено, Горькій въ своихъ произведеніяхъ изображаетъ по преимуществу среду подонковъ общества, такъ называемыхъ босяковъ или, какъ онъ самъ ихъ называетъ, «бывшихъ людей», т.-е. безсемейный, почти бездомовный и преимущественно неинтеллигентный городской пролетаріатъ и различнаго рода бродягъ. Всѣхъ же классовъ общества, не исключая и крестьянъ, стоящихъ хоть сколько-нибудь выше босяковъ, онъ касается по большей части лишь мимоходомъ и вообще не любитъ о нихъ говорить, только купечество и мѣщанство изображаетъ нѣсколько подробнѣе. Какую же картину нравственнаго состоянія русскаго общества и народа даютъ намъ сочиненія Горькаго?

Картина русскаго общества и народа, рисуемая Горькимъ, — не только печальна, но даже прямо безотрадна. «Читая Горькаго, — говоритъ Вогюэ, — подумаешь, что Россія представляетъ собою только громадный кабакъ, въ мрачномъ подвалѣ, воняющемъ потомъ, саломъ, керосиномъ, гдѣ бродяги въ лохмотьяхъ появляются, вздыхаютъ, ругаются, бросаютъ другъ другу въ лицо свои истины и тонутъ въ океанѣ водки»[1]). Необходимо, впрочемъ, сдѣлать слѣдующую оговорку. Самъ Горькій совершенно иначе относится къ разнымъ типамъ своихъ героевъ: иначе къ босякамъ и иначе ко всѣмъ тѣмъ, кто стоитъ сколько бы то ни было выше ихъ. Что касается первыхъ, то хотя онъ и не скрываетъ ихъ порочности, — онъ относится и

[1]) Вогюэ. Максимъ Горькій какъ писатель и человѣкъ. Издан. 2-е Ефимова. М., 1902. Стр. 45.

къ ней и къ нимъ самимъ всѣмъ вообще какъ-то особенно, очень мягко и снисходительно, и каждою строкою своихъ писаній старается показать, что если есть среди нихъ и дурные люди, то въ этомъ виноваты во всякомъ случаѣ не они, а люди стоящіе выше ихъ;—старается показать, какъ выразился недавно одинъ изъ біографовъ Горькаго.—«какъ прекрасенъ человѣкъ даже на днѣ своего паденія»[1]). «Дно и подонки жизни позналъ онъ,—говоритъ о Горькомъ тотъ же его біографъ, — не заглянулъ туда, а проникъ въ самую глубину, пережилъ всѣ ея треволненія и тамъ, въ этой ямѣ, среди грязи, нашелъ своихъ «героевъ»,—пусть оборванныхъ, пусть выброшенныхъ изъ общества, но все же *людей*, съ богатыми и разнообразными мыслями, съ богатыми и разнообразными настроеніями». Онъ тщательно отмѣчаетъ всякій хорошій поступокъ босяка и вообще, по его изображенію, босяки тѣ же люди, не только не хуже и не глупѣе, но даже зачастую во многомъ лучше и умнѣе «господъ жизни», какъ выражается Аристидъ Кувалда, т.-е. людей общества. Даже (любопытная подробность) босяки Горькаго очень нравятся женщинамъ,—не уличнымъ женщинамъ, а женщинамъ изъ общества, и одерживаютъ надъ ними немалочисленныя побѣды, хотя самъ Горькій скептически относится къ такимъ разсказамъ босяковъ.

Совсѣмъ и даже безусловно иначе относится Горькій ко всѣмъ тѣмъ, кто стоитъ сколько бы то ни было выше босяка,—«жрецамъ жизни», — какъ онъ выражается—не только къ мѣщанству и купечеству, которыхъ онъ особенно не любитъ, и не только къ интеллигенціи, но даже къ крестьянамъ. Во всѣхъ, сравнительно немногочисленныхъ своихъ разсказахъ, гдѣ онъ выводитъ, да и то преимущественно мимоходомъ, интеллигентовъ, онъ изображаетъ крайнюю пошлость, лицемѣріе и безсиліе интеллигенціи и ея представителей, напр., доцента Полканова въ

[1]) *Журналъ для всѣхъ*, 1902 г. февраль, стр. 132.

разсказѣ «Варенька Олесова», члена суда Громова и его гостей въ повѣсти «Трое», героевъ очерка «Мужикъ» и др. «Нѣтъ еще такой болячки, которую нельзя было бы найти въ сложномъ и спутанномъ психическомъ организмѣ, именуемомъ «интеллигентъ»,—говоритъ Горькій въ разсказѣ «Коноваловъ». И притомъ «культурный человѣкъ города несравненно хуже культурнаго человѣка деревни». Даже между бродягами интеллигентные люди, по взгляду нашего автора, худшіе люди. «Ихъ много среди бродягъ, — говоритъ онъ въ разсказѣ «Проходимецъ»,—но всѣ они мертвые люди, потерявшіе всякое уваженіе къ себѣ, лишенные способности къ самооцѣнкѣ, и всѣ они живутъ лишь тѣмъ, что съ каждымъ днемъ своей жизни падаютъ все ниже въ грязь и гадость (подтвержденіемъ всѣхъ этихъ сужденій и служитъ разсказъ); потомъ они растворяются въ ней и исчезаютъ изъ нея». Изъ трехъ бродягъ, выведенныхъ въ разсказѣ «Въ степи», худшимъ и вполнѣ разбойникомъ оказывается называвшій себя студентомъ университета. Но настоящій приговоръ интеллигенціи произноситъ въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ» журналистъ Ежовъ. «Я бы собралъ,—кричитъ онъ,—остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожи нашей интеллигенціи!.. Я бъ имъ сказалъ: букашки! вы, лучшій сокъ моей страны! Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей, о, гниды! Какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что вы дѣлаете для нея! Превратили ли вы слезы прошлаго въ перлы? Что дали вы жизни? Что̀ дѣлаете? Позволили издѣваться надъ собой... Я сказалъ бы имъ: вы! Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы малоумны и совершенно безсильны и— трусы всѣ вы! Ваше сердце набито моралью и добрыми намѣреніями, но оно мягко и тепло, какъ перина, и оно не бьется у васъ, а медленно покачивается, какъ люлька. Окунувъ перстъ въ кровь сердца моего, я бы намазалъ на ихъ лбахъ клейма моихъ упрековъ, и они, нищіе духомъ, несчастные въ своемъ самодовольствѣ, страдали бы...

о, ужъ тогда они страдали бы!.. Я скажу имъ, этимъ несчастнымъ бездѣльникамъ: смотрите! Жизнь идетъ и оставляетъ васъ сзади себя!.. Жизнь сурово взыщетъ съ васъ, повѣрьте: разразится буря, и она смететъ и смоетъ васъ съ земли, какъ дождь и вѣтеръ пыль съ дерева!..»

Таково же отношеніе къ суду и даже къ суду присяжныхъ, ярко выставленное въ сценѣ суда надъ Вѣрой въ повѣсти «Трое». «Вообще такъ называемое правосудіе,— разсуждаетъ тамъ нѣкій «человѣчекъ»,—есть въ большинствѣ случаевъ легонькая комедія. Сытые люди упражняются въ исправленіи порочныхъ наклонностей въ голодныхъ людяхъ. Въ судѣ бываю часто, но не видалъ, чтобы голодные сытаго судили... если же сытые сытаго и судятъ,—это они его за жадность. Дескать — не все сразу хватай, намъ оставляй... Подлецы—самые строгіе судьи»... Къ книгѣ и печатному слову отношеніе какое-то двусмысленное. Крайняя пошлость мелкаго чиновничества изображена въ разсказѣ «Скуки ради» и въ лицѣ супруговъ Автономовыхъ («Трое»). Вообще изъ интеллигентныхъ типовъ у Горькаго положительныхъ весьма немного. — Въ крестьянахъ онъ выставляетъ на видъ дикое невѣжество и лютое звѣрство (въ разсказѣ «Выводъ»), грубое насиліе («На плотахъ»), жадность, эгоизмъ, хитрость, лѣность и глупость (парень Гаврилка въ разсказѣ «Челкашъ», «Кирилка», «Мальва», «Ярмарка въ Голтвѣ» и «Дѣдъ Архипъ и Ленька»). — Съ крайнимъ нерасположеніемъ относится Горькій къ любимцамъ православнаго народа — странникамъ по святымъ мѣстамъ, «этой худшей, по его словамъ («Проходимецъ»), разновидности «бродячей Руси»,—худшей по своимъ моральнымъ качествамъ и вслѣдствіе лжи и суевѣрій, которыми люди этого типа заражаютъ духовно-голодную, всегда алчущую деревню». «Это не люди, а такъ скорлупа одна,—съ обычнымъ своимъ цинизмомъ говоритъ о нихъ и Яковъ Маякинъ, — и ни на что они не годны... Это въ родѣ какъ клопы, блохи и другая нечисть»...

Но въ особенно непривлекательномъ видѣ изображаетъ Горькій купечество и мѣщанство: для нихъ не щадитъ и буквально не находитъ достаточно темныхъ красокъ. Для нихъ у него уже нѣтъ исключеній (развѣ только, да и то лишь отчасти, купецъ Маркъ Чемерицынъ въ очеркахъ «Мужикъ»): всѣ безусловно представители этихъ сословій у него негодяи, для характеристики которыхъ недостаточно ни тѣхъ укорительныхъ словъ, съ которыми въ «Ревизорѣ» обращается городничій къ куппамъ, ни той характеристики, какую дѣлаетъ губернскимъ чиновникамъ Собакевичъ. Даже на судѣ присяжные-купцы, люди уже пожилые, не могутъ смотрѣть на судимую проститутку иначе, какъ жаднымъ циничнымъ и грязнымъ взглядомъ. Яковъ Маякинъ, Игнатъ Гордѣевъ, Ананій Щуровъ и та компанія первостепенныхъ купцовъ, которую обличаетъ на пароходѣ Ѳома Гордѣевъ, Петруха Филимоновъ, Полуэктовъ и мучитель Хрѣновъ, Пчелинъ и Сабанѣевъ, Петунниковъ, мельникъ Тихонъ Павловичъ, мѣщанинъ Безсѣменовъ и всѣ остальные, выводимые у Горькаго, представители этихъ сословій—негодяи, воры, грабители, лицемѣры, истязатели, убійцы, разбойники и т. п. При этомъ бо́льшая часть изъ нихъ наружно благочестивы и набожны и всѣ имѣютъ видъ вполнѣ почтенныхъ людей и пользуются уваженіемъ и почетомъ. «Преподобная лиса,—говоритъ о грабителѣ и злодѣѣ Щуровѣ Маякинъ,—возведетъ очи въ небеса, а лапу тебѣ за пазуху запуститъ да кошель-то и вытащитъ». Нѣкоторые же изъ нихъ доходятъ до такого цинизма, что и грѣшниками себя не считаютъ и каяться, хотя бы и наружно, не считаютъ нужнымъ. «Судъ прежнимъ людямъ,—разсуждаетъ Щуровъ, причисляя, конечно и себя къ этимъ людямъ,—отъ Господа будетъ по силамъ ихъ... Тѣла ихъ будутъ взвѣшены, и измѣрятъ ангелы кровь ихъ, и увидятъ ангелы Божіи, что не превыситъ грѣхъ тяжестью своею вѣса крови и тѣла... понимаешь?.. Волка не осудитъ Господь, если волкъ овцу пожретъ... но если крыса мерзкая повинна въ овцѣ—

крысу осудитъ Онъ». А затѣмъ, предложивъ Ѳомѣ совершенно разбойническія, ростовщическія условія займа, Щуровъ сейчасъ же, проводивъ Ѳому, запѣваетъ: «Милосердія двери»... А «окаянный фармазонъ» и самый лютый грѣшникъ на землѣ, по выраженію Щурова,—первокласснаго виртуозъ по части всяческихъ мошенничествъ Яковъ Маякинъ, оканчивая свою долгую архимошенническую жизнь, за нѣсколько часовъ до смерти говоритъ дочери и зятю:

«— Ну, ребята,—живите богато! Поѣлъ Яковъ всякихъ злаковъ, значитъ, Якову пора долой со двора... Видите—умираю, а не унываю... И это мнѣ Господь зачтетъ... Я Его, Всеблагого, только шутками безпокоилъ, а стонами и жалобами никогда. Охъ!.. Господи! Радъ я, что умѣючи пожилъ... по милости Твоей! Прощайте, дѣтушки!.. Живите дружно... и не мудрствуйте очень-то. Знайте — не тотъ святъ, кто отъ грѣха прячется да спокойненько лежитъ... Трусостью отъ грѣха не оборонишься... про это и говоритъ притча о талантахъ... А кто хочетъ отъ жизни толку добиться—тотъ грѣха не боится... Ошибку Господь ему проститъ... Господь назначилъ человѣка на устроеніе жизни, а ума ему не такъ ужъ много далъ... значитъ, строго искать недоимокъ не станетъ... Ибо святъ Онъ и многомилостивъ»...

Если же у купцовъ есть ученыя дѣти, то они выходятъ еще хуже отцовъ, такъ какъ свое образованіе употребляютъ исключительно на мошенничество же, и вдобавокъ свободны и отъ тѣхъ остатковъ стыда предъ Богомъ и людьми, которые еще проявляются иногда у ихъ отцовъ. Таковы, напр.: сынъ купца Петунникова («Бывшіе люди»), Тарасъ Маякинъ и Африканъ Смолинъ. — Отзывъ же о либеральныхъ купцахъ рѣзокъ почти до неприличія.

Духовенство представлено у Горькаго лишь мимоходомъ, — въ лицѣ немногихъ завѣдомо недостойныхъ его представителей.

Напротивъ, среди босяковъ Горькій находитъ мало от-

рицательныхъ типовъ, да и изъ нихъ нѣкоторые и притомъ наиболѣе полно изображенные, напр., бродяга Промтовъ («Проходимецъ»), грузинскій князь Шакро Птадзе («Мой спутникъ»), а также «студентъ» («Въ степи»)— люди, если не по образованію, то, по крайней мѣрѣ, по происхожденію, полукультурные. Изъ совершенно же неинтеллигентныхъ изъ такихъ типовъ можно указать на солдата (въ разсказѣ «Двадцать шесть и одна»), арестанта Зазубрину (въ разсказѣ того же названія) и немногихъ другихъ.

Итакъ, положительные типы, «человѣка» Горькій находитъ лишь среди неинтеллигентныхъ босяковъ, бродягъ и падшихъ женщинъ. «Давно пора,—говоритъ онъ,—считать этихъ людей за классъ,—они вполнѣ достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые». Онъ называетъ босяковъ «почтеннымъ, но не чтимымъ сословіемъ»: доказываетъ Коновалову, что они—«жертвы жизни, среды и условій». То же на разные голоса проповѣдуютъ и герои Горькаго: «А что̀ такое падшіе люди? Прежде всего — люди, та же самая кость, кровь, то же мясо и тѣ же нервы, какъ и у насъ»... («Болесь»). «Мнѣ все равно! Я и жуликовъ уважаю, — говоритъ Лука,—по моему, ни одна блоха не плоха: всѣ черненькія, всѣ прыгаютъ... такъ-то... Всякаго человѣка уважать надо... — Вѣдь это съ первоначалу только кажется, что люди разные; а посмотришь—всѣ люди какъ люди»... Что же это за люди?

Общія черты, свойственныя, по Горькому, всѣмъ этимъ людямъ—это прежде всего и главнымъ образомъ — нежеланіе подчиняться установившимся порядкамъ и рамкамъ жизни, презрѣніе ко всякому порядку и протестъ, хотя, конечно, преимущественно лишь пассивный, противъ всякихъ установившихся, всѣми принятыхъ понятій,—нерѣдко декорирующійся протестомъ противъ людской неправды. Всѣ эти люди родились, по выраженію хохла въ разсказѣ «Коноваловъ», «съ такою шеей, на которую ни одинъ

хомутъ не подходитъ». Не желая признавать сложившихся формъ жизни, люди эти не желаютъ нести и какихъ бы то ни было обязанностей по отношенію къ обществу и за работу берутся лишь только для того, чтобы не умереть съ голоду. Многіе изъ нихъ добываютъ себѣ хлѣбъ прямо воровствомъ и другими нелегальными занятіями. И такъ какъ съ такими понятіями и такимъ нерѣдко отношеніемъ къ чужой собственности и даже личности среди общества, какое бы оно ни было, жить неудобно да, зачастую, для босяка и тошно, то босяки нерѣдко предпочитаютъ бродяжить. Бродяжничество—въ разныхъ видахъ и по разнымъ причинамъ — вещь въ Россіи исторически сложившаяся и давно извѣстная и даже неоднократно изображавшаяся въ литературѣ,—но никто еще до Горькаго такъ подробно не изображалъ и не поэтизировалъ его. Бродяги, какъ и всѣ герои Горькаго, чрезвычайно любящіе философствовать и разсуждать, очень подробно и различнымъ образомъ какъ объясняютъ причины своего бродяжничества и восхваляютъ прелести бродяжнической жизни, такъ и вообще раскрываютъ міросозерцаніе босячества. Но прежде всего разъясняетъ причины бродяжничества самъ авторъ.

«Нужно,—разсуждаетъ онъ въ разсказѣ «Коноваловъ»,—родиться въ культурномъ обществѣ, для того чтобы найти въ себѣ терпѣніе всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленькихъ ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненнаго самолюбія, идейнаго сектантства, всяческой неискренности,—однимъ словомъ изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты суетъ. Я родился и воспитывался внѣ этого общества и по сей пріятной для меня причинѣ не могу принимать его культуру большими дозами безъ того, чтобы спустя нѣкоторое время у меня не явилась настоятельная необходимость выйти изъ ея рамокъ и освѣжиться нѣсколько отъ чрезмѣрной сложности и болѣзненной утон-

ченности этого быта. *Въ деревнѣ почти такъ же невыносимо тошно и грустно*, какъ и среди интеллигенціи. *Всего лучше отправиться въ трущобы городовъ* (вотъ гдѣ, значитъ, только настоящая жизнь, по взгляду нашего автора!), гдѣ хотя все и грязно, но все такъ просто и искренно, или идти гулять по полямъ и дорогамъ родины, что̀ весьма любопытно, очень освѣжаетъ и не требуетъ никакихъ средствъ, кромѣ хорошихъ, выносливыхъ ногъ». Ненавидитъ нашъ авторъ только странниковъ по святымъ мѣстамъ. Въ этомъ же родѣ разсуждаютъ и сами странствующіе герои Горькаго. «Жизнь узка, а я широкъ,— разсуждаетъ бродяга Промтовъ («Проходимецъ»)... На свѣтѣ есть особый сортъ людей, родившихся, должно быть, отъ Вѣчнаго Жида. Особенность ихъ въ томъ, что они никакъ не могутъ найти себѣ на землѣ мѣста и прикрѣпиться къ нему. Внутри ихъ живетъ тревожный зудъ желанія чего-то новаго... Въ бродяжьей жизни есть что-то всасывающее, поглощающее. Пріятно чувствовать себя свободнымъ отъ обязанностей, отъ разныхъ маленькихъ веревочекъ, связывающихъ твое существованіе среди людей... отъ разныхъ мелочишекъ, до того облѣпляющихъ твою жизнь, что она становится уже не удовольствіемъ, а скучною ношей... тяжелымъ лукошкомъ обязанностей... вродѣ обязанности одѣваться прилично, говорить прилично... и все дѣлать такъ, какъ принято, а не такъ, какъ тебѣ хочется. При встрѣчѣ съ знакомымъ нужно, какъ это принято, сказать ему — здравствуй! а не—издохни!— какъ это иногда хочется сказать».—«Меня во всѣ четыре стороны сразу тянетъ», — говоритъ сапожникъ Орловъ («Супруги Орловы»)... Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ, и судьба моя—быть босякомъ! Самое лучшее положеніе въ свѣтѣ—свободно и—тѣсно все-таки... Противно все—города, деревни, люди разныхъ калибровъ... Тьфу!.. Хоть голодно, да свободно—иди куда хочешь».—«Совсѣмъ напрасно въ городахъ жить,—разсуждаетъ Коноваловъ,— тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору,

ничего, что человѣку надо... Зачѣмъ народъ сбивать въ такія кучи, когда и двое-трое ужиться между собою не могутъ?» — «Люблю я эту бродячую жизнь,—говоритъ солдатъ въ разсказѣ «Въ степи».—Оно и холодно и голодно, но свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобою никакого начальства... самъ ты своей жизни хозяинъ... Хоть голову себѣ откуси—никто тебѣ слова не можетъ сказать... Хорошо!..» — «Свободна, какъ чайка—куда хочу—полечу» («Мальва»). — «Родился я подъ заборомъ и помру подъ нимъ. Судьба такая... На одномъ мѣстѣ скучно мнѣ» (босякъ Кузька въ разсказѣ «Тоска»).—«Въ Россіи удобнѣе, спокойнѣе быть пьяницей, бродягой, чѣмъ трезвымъ, честнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ» (пѣвчій Тетеревъ).—«Ежели которому вездѣ мѣсто?.. Подъ лежачъ камень—сказано—и вода не течетъ». (Лука—«На днѣ»). Даже странникъ по святымъ мѣстамъ Миронъ и тотъ восхваляетъ съ своей точки зрѣнія странническую жизнь. «Зашумятъ,—говоритъ онъ Ѳомѣ,—лѣса дремучіе сладкими голосами о мудрости Господа; запоютъ тебѣ птички Божіи о святой славѣ Его, а степныя травы курятъ ладаномъ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ... Въ каждой травкѣ бьется сердце Господа; всякое насѣкомое, воздушное и земное, дышитъ Святымъ Духомъ Его: всюду живъ Богъ-Господь Іисусъ Христосъ... Смотришь въ небо, лежа гдѣ-нибудь подъ кустикомъ, а оно все къ тебѣ опускается, какъ обнять тебя хочетъ... На душѣ тепло и тихо радостно, ничего тебѣ не хочется, ничему не завидно... Такъ вотъ и кажется, что на всей землѣ—только ты да Богъ»...

Но живетъ ли босякъ на одномъ мѣстѣ или бродяжитъ—все равно онъ и словомъ и дѣломъ показываетъ свое презрѣніе и къ обществу и къ народу и его убѣжденіямъ и формамъ жизни. И прежде всего таково по бо́льшей части его отношеніе къ религіи. Нѣкоторые изъ критиковъ Горькаго говорятъ, что герои его никогда не упоминаютъ о Богѣ. Это невѣрно: многіе изъ его героевъ любятъ разсуждать о Богѣ, но дѣйствительно у немно-

гихъ изъ нихъ есть слѣды религіозной настроенности. Правда, сокрушенное сознаніе своей грѣховности встрѣчается даже и у изображаемыхъ Горькимъ падшихъ женщинъ. «Мы не безчувственныя какія—Бога помнимъ все-таки... грѣха боимся... совѣстно»... — говоритъ Аннушка въ разсказѣ «Тоска». Много молится и даже собирается въ монастырь Олимпіада; молится и Татьяна Автономова; съ глубокимъ сокрушеніемъ говоритъ о своихъ грѣхахъ и молится Матица («Трое»); крестится старуха Изергиль, и даже безсовѣстная Мальва задумывается надъ житіемъ Алексѣя Божьяго человѣка. Горько сокрушается и плачетъ о своемъ грѣхѣ Василій послѣ ссоры съ сыномъ («Мальва»), точно также сокрушается горбунъ Терентій («Трое»), сокрушается и мужикъ Силанъ («На плотахъ»), сокрушается о своихъ грѣхахъ, хотя и въ пьяномъ видѣ, Мишка («Дѣло съ застежками»). Молится за умершаго товарища воръ Пляши-Нога, а тотъ молится предъ смертью («Дружки»); поминаетъ Христа и молится за умершую Анну Лука и за умершаго Лунева полицейскій. Съ глубокою вѣрою философствуетъ о судьбѣ народовъ по Библіи тряпичникъ Тяпа, не разстающійся съ Библіей въ свободное время; онъ же совѣтуетъ пригласить священника къ умирающему учителю («Бывшіе люди»); такъ же интересуется Библіей (какъ и всѣмъ таинственнымъ, впрочемъ) Яковъ Филимоновъ («Трое»); тамъ же выводится церковный сторожъ Никита Егорычъ, который «семь лѣтъ Библію читалъ, все въ ней наизусть знаетъ и можетъ объяснить пророчества». Читаетъ Библію и обновляетъ тѣмъ душу свою и неудачникъ Митрій («На плотахъ»). Много и напряженно разсуждаютъ о Богѣ Яковъ Филимоновъ, Илья Луневъ и даже Ѳома Гордѣевъ. И это далеко не единственные примѣры. Самъ авторъ «возбуждевно разсказываетъ» своему спутнику Шакро о жизни и ученіи Христа; а тотъ (Шакро) съ благоговѣйнымъ ужасомъ относится къ грозѣ, слыша въ раскатахъ грома глаголъ Божій («Мой спутникъ»). Кромѣ того, есть у Горькаго,

хоть и немного, и прямо благочестивые люди, какъ странникъ Миронъ и тряпичникъ Еремѣй.—Но въ бо́льшинствѣ герои Горькаго или совсѣмъ не упоминаютъ о Богѣ или относятся къ Нему какъ-то слишкомъ легко, даже цинически, или лишь жалуются на Него. Образцомъ первыхъ можетъ служить вѣчно пьяный и веселый сапожникъ Перфишка.

‹— Ты Бога боишься?—допрашиваетъ его Илья Луневъ.

‹— Мнѣ Бога бояться нечего... Я людей не обижаю,— почти съ обидой отвѣчаетъ Перфишка, едва стоя на ногахъ отъ нестерпимаго желанія выпить на данный Луневымъ пятіалтынный.

‹— А молишься ты?—продолжаетъ допрашивать Илья.

‹— Н-ну... молюсь, извѣстно... рѣдко.

‹— А какъ ты молишься?

‹— Я? Я очень просто! Молитвовъ я не знаю... ‹Богородицу Дѣву› зналъ... да забылъ давно ужъ... нищенскую, кажись, знаю... ‹Господи Исусе›... и все прочее... до конца... Это мнѣ, можетъ, понадобится на старости лѣтъ. А молюсь я такъ себѣ... Господи, молъ, помилуй!

‹— Ну, а умрешь ты... Тогда Богъ спроситъ: какъ жилъ человѣкъ?

— ‹А я скажу: Господи! Родился — малъ, померъ — пьянъ, ничего не помню! Онъ посмѣется, да проститъ меня... И на грошъ согрѣшишь—помрешь, и на тысячи— издохнешь, а черти всѣхъ одинаково мучить будутъ,— разсуждаетъ Перфишка въ другомъ мѣстѣ... Богъ меня любитъ... Разъ взглянулъ на меня, засмѣялся, — ахъ, говоритъ, такой-сякой! И махнулъ на меня рукой›...

‹Ничего тамъ (т.-е. на томъ свѣтѣ) не будетъ›,—увѣренно говоритъ Лука, утѣшая умирающую Анну, — т.-е. не будетъ дурнаго для несчастной, замученной женщины.

Илья Луневъ, совершивъ убійство купца Полуэктова, почти увѣренъ, какъ и Щуровъ и Маякинъ, что Богъ съ него не взыщетъ строго, и что въ убійствѣ онъ былъ ‹рукой, а не силой›, и не чувствуетъ угрызеній совѣ-

сти. Игнатъ Гордѣевъ, чувствуя приближеніе смерти, хочетъ послать за священникомъ, но не торопится сдѣлать это, и умираетъ безъ покаянія. Рабочіе («Супруги Орловы»), придя въ субботу вечеромъ съ работы, идутъ — кто въ баню, кто въ трактиръ, но никто нейдетъ въ церковь. Мельникъ Тихонъ («Тоска»), почувствовавъ тоску и угрызеніе совѣсти за свои дурныя дѣла, отправляется «возобновляться» духомъ не въ церковь, а въ трактиръ. Содержатель ночлежки Костылевъ («На днѣ»), лицемѣрный «старецъ», какъ онъ себя называетъ, и отъявленный негодяй, хочетъ накинуть на одного изъ своихъ жильцовъ полтину въ мѣсяцъ и зато купить маслица для лампадки; а придя съ кладбища, принимается за избіеніе свояченицы. Нѣсколько напоминаетъ его и Безсѣменовъ. Такое же, въ сущности отношеніе къ Богу обнаруживаетъ и Татьяна Автономова.—Другіе же все жалуются, что Богъ не слышитъ ихъ и не помогаетъ имъ. Жалуется Матрена Орлова, жалуются посѣтители трактира («Трое»), жалуются Ѳома Гордѣевъ, Яковъ и Илья Луневъ; а Квашня («На днѣ») цинически говоритъ: «Я Богу жаловалась восемь лѣтъ—не помогалъ». Также дерзко говоритъ о Богѣ и Макаръ Чудра.—Самъ авторъ пренебрежительно относится къ православному богослуженію (или, по крайней мѣрѣ, обнаруживаетъ непониманіе его), называя поэзію литургіи «торжественно-мрачною», а отпѣваніе—«тоскливою музыкою плача церкви» («Ѳома Гордѣевъ»).—Наконецъ, нѣкоторые изъ героевъ Горькаго прямо отвергаютъ Бога. «Совѣсти нѣтъ... въ Бога не вѣрю,—говоритъ Луневъ въ концѣ повѣсти.—«Не надо!»— отрѣзываетъ Кувалда на предложеніе Тяпы пригласить священника къ умирающему учителю. — «Со многими священнослужителями церкви велъ я бесѣды (о жизни),—говоритъ Безружій («Тоска»)... разсуждаютъ люди... очень глупо»...

Съ еще бо́льшимъ пренебреженіемъ относятся босяки къ совѣсти, чести, труду, отечеству, ближнему и его собственности. «Куда они —честь, совѣсть?—равнодушно раз-

суждаетъ Пепелъ («На днѣ»).—На ноги, вмѣсто сапоговъ, не надѣнешь ни чести ни совѣсти... Честь, совѣсть тѣмъ нужна, у кого власть, сила да богатство есть... Всякій человѣкъ хочетъ, чтобы сосѣдъ его совѣсть имѣлъ, да никому, видишь, не выгодно имѣть-то ее... И это вѣрно... Здѣсь совѣсти никто не купитъ. Въ совѣсть я не вѣрю»...—«Я стыдъ имѣю предъ людьми»,—говоритъ Клещъ на совѣтъ Сатина ничего не дѣлать. — «Брось, — отвѣчаетъ тотъ:—люди не стыдятся, что тебѣ хуже собаки живется». И тотъ же Клещъ потомъ кричитъ уже: «Ненавижу я правду... будь она, окаянная, проклята!.. — «И чего тебѣ правда-то больно нужна... подумай-ка! — говоритъ Лука Пеплу. — «Человѣкъ, который много согрѣшилъ, всегда уменъ, — грѣхъ учитъ, — разсуждаетъ Ананій Щуровъ. «Кто отъ жизни хочетъ толку добиться — тотъ грѣха не боится»—говоритъ предъ смертью Яковъ Маякинъ.—Сдерживать и ограничивать себя въ чемъ бы то ни было—нелѣпо. «Какъ ни живи, а все-таки умрешь,—разсуждаетъ проходимецъ Промтовъ,—зачѣмъ же ссориться съ собой, зачѣмъ тащить себя за хвостъ влѣво, когда натура твоя во всю мочь претъ направо? И людей, которые рвутъ себя надвое, я терпѣть не могу... Хорошій подлецъ всегда лучше плохого честнаго человѣка».—«Самому противъ себя не надо спорить. Кто противъ себя заспорилъ,—пиши—пропалъ человѣкъ... Какъ ни живи—все грѣшно. Рази тутъ разберешь?..» (Кузька). — Апологію страстямъ представляетъ собою и разсказъ «Еще о чортѣ». Когда чортъ вытаскиваетъ изъ груди Ивана Ивановича страсти, то этимъ опустошаетъ его, и вмѣсто Ивана Ивановича остается совершенный идіотъ. Вообще у Горькаго несчастны всѣ живущіе по совѣсти или тѣ, у кого проснулась совѣсть. Совѣсть, по мнѣнію его героевъ, страшна только для слабыхъ, а не для сильныхъ.

Таково же отношеніе и къ труду. «Мнѣ благороднѣе пьянствовать и погибать, чѣмъ жить и работать»,—говоритъ пѣвчій Тетеревъ.—«Не тянетъ меня къ дѣлу...—го-

воритъ и Ѳома Гордѣевъ.—Что̀ оно, дѣло? Одинъ обманъ. Ты думаешь—если дѣло, такъ будетъ отъ него счастье?»—«Работа?—съ изумленіемъ спрашиваетъ одинъ изъ босяковъ въ разсказѣ «Коноваловъ».—Да развѣ человѣкъ для этого на свѣтъ родился?»—Совершенно также разсуждаетъ и компанія, пріютившаяся въ содержимой Костылевыми ночлежкѣ. «Работать? — съ хохотомъ спрашиваетъ Сатинъ? — Для чего?.. Сдѣлай такъ, чтобы работа была мнѣ пріятна, — я, можетъ быть, буду работать... Я тебѣ дамъ совѣтъ,—говоритъ онъ же Клещу—ничего не дѣлай! Просто обременяй землю».—«Лѣнивъ я. Страсть какъ работать не люблю», — говоритъ Бубновъ. — «Если трудъ есть обязанность, то трудъ есть тяжелое рабство» (тамъ же). Другіе герои нашего автора подтверждаютъ эти разсужденія дѣломъ. Когда нужда заставляетъ ихъ работать, они стараются выбрать дѣло полегче и сдѣлать его коекакъ, поскорѣе («Коноваловъ», «Дѣло съ застежками»). Самъ авторъ иногда презрительно относится къ труду («Челкашъ», «Коноваловъ»).

Родина, отечество—и подавно пустыя слова для босяка. Самъ Горькій называетъ ихъ космополитами, совершенно оторвавшимися отъ земли, порвавшими съ нею и забывшими о ней. Имъ — вездѣ мѣсто («Коноваловъ»). «Человѣкъ такъ много на землѣ живетъ,—разсуждаетъ тамъ же босякъ—хохолъ, что не важно, коли онъ забудетъ, де родився. Да и развѣ жъ то не все равно? Лиха бѣда родиться, а гдѣ — отъ этого не лучше!..»—«Старику — гдѣ тепло, тамъ и родина» (Лука).—Также не любятъ босяки вспоминать и о своемъ прошломъ («Бывшіе люди»).

Отношеніе къ ближнему разумѣется самое презрительное и враждебное. «Мнѣ было бы пріятно, — говоритъ Аристидъ Кувалда,—если бы земля вдругъ вспыхнула и сгорѣла или разорвалась бы вдребезги. Лишь бы я погибъ послѣдній, посмотрѣвъ сначала на другихъ... Я—бывшій человѣкъ... такъ? Я отверженъ—значитъ, я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ... Значитъ, я могу наплевать на все!

ФУНДАМЕНТАЛЬ
Академіи Наук

Я долженъ по роду своей жизни отбросить въ сторону все старое... всѣ манеры и пріемы отношеній къ людямъ, существующимъ сыто и нарядно и презирающимъ меня за то, что въ сытости и костюмѣ я отсталъ отъ нихъ.. и я долженъ воспитать въ себѣ что-то новое — понялъ? Такое, знаешь, чтобы мимо меня идущіе господа жизни, при видѣ моей представительной фигуры трепетъ хладный въ печенкахъ ощущали!..»

Студентъ (въ разсказѣ «Въ степи») «ненавидитъ (какъ и всѣ, впрочемъ, босяки у Горькаго) и полицію и мужиковъ ненавистью безсильнаго, загнаннаго и голоднаго звѣря и мечтаетъ объ универсальной ненависти ко всѣмъ и ко всему».

«И по сю пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь,—откровенничаетъ Григорій Орловъ.—Раздробить бы всю землю въ пыль... или вообще что-нибудь этакое, чтобы стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ, вы гады! Зачѣмъ живете? Жулье вы лицемѣрное и больше ничего! И—вдребезги!..»

«Всѣхъ бы васъ въ каторгу... смести бы васъ какъ соръ куда-нибудь въ яму» (Настя—«На днѣ»).—«Какую я злобу имѣю противъ васъ!.. Выбрали бы меня въ судьи—только мертваго оправдала бы»... (Саша—«Ѳома Гордѣевъ»). «Ненавижу я всѣхъ!» (Клещъ).—«Хлопну по башкѣ—и нѣтъ тебя на свѣтѣ—у меня просто», — говоритъ Сережка Якову («Мальва»). «Избила бы всѣхъ людей страшною смертью» (тамъ же).—«Плюю на всѣхъ».—«Всѣ люди—скоты» («Тоска», «Въ степи»).—«Человѣкъ—гадина крупная» («Дѣло съ застежками») —«Барство—какъ оспа» (Лука). — «Жизнь очень просто поставлена: или всѣхъ грызи или въ грязи лежи».

Проходимецъ, разсказывая, какъ онъ игралъ на сценѣ, говоритъ, что онъ чувствовалъ къ публикѣ такую ненависть и отвращеніе, что она была противна ему до судорогъ, и часто ему хотѣлось плюнуть на нее, выругать самыми погаными словами или всему первому ряду сразу ножомъ носы срѣзать.

Ненавидя всѣхъ вообще, босякъ ненавидитъ и отдѣльныя сословія. Аристидъ Кувалда ненавидитъ купцовъ и несказанно радуется, слыша или читая о какомъ-нибудь несчастіи съ купцомъ, а если и печалится при этомъ, то лишь о томъ, что купцу мало досталось. «Законенъ ли купецъ?—разсуждаетъ онъ. — Что̀ есть купецъ? Разсмотримъ это грубое и нелѣпое явленіе: прежде всего каждый купецъ—мужикъ. Онъ является изъ деревни и по истеченіи нѣкотораго времени дѣлается купцомъ. Для того, чтобы сдѣлаться купцомъ, нужны деньги. Откуда у мужика могутъ быть деньги? Какъ извѣстно, онѣ не являются отъ трудовъ праведныхъ. Значитъ, мужикъ такъ или иначе мошенничалъ. Значитъ, купецъ — мошенникъ мужикъ... Купецъ только животное, временно исполняющее должность человѣка. Онъ скверно дѣлаетъ жизнь, онъ лишь ловко мнетъ и портитъ ее. Онъ грубъ, онъ глупъ не имѣетъ вкуса къ жизни, не имѣетъ представленія объ отечествѣ и ничего выше пятака не знаетъ». Въ ругательствахъ Кувалды сказывается, впрочемъ, дворянинъ.

Но и къ мужику отношеніе не лучше. «Землеѣды тупорылые, — честитъ ихъ босякъ Сережка («Мальва»)... Я всѣхъ мужиковъ не люблю... они гады... сиротами прикидываются.—«Раса дикая, племя тупое, умы осиновые»,—говоритъ о нихъ мельникъ Мамаевъ («Кирилка»).—«Мужика бы этого, черноземнаго барина — ухъ ты!.. грабь, дери шкуру, выворачивай наизнанку... Неурожай?.. У него сначала въ башкѣ неурожай, а потомъ ужъ на полѣ» («Емельянъ Пиляй»).

Понятно, какого при такихъ понятіяхъ должно быть отношеніе къ чужой собственности. «Мы не причемъ,—разсуждаетъ самъ авторъ («Дѣло съ застежками»)—если въ жизни все устроено такъ неловко, что порядочность поступка всегда почти стоитъ противъ выгодности его». «Всѣ мы для того живемъ, чтобы взять, а не дать» (Игнатъ Гордѣевъ). — «Ежели у меня въ брюхѣ пусто, ничему я учиться не пожелаю, кромѣ какъ воровству»,—говоритъ

мельникъ Мамаевъ.—«Мой путь обозначенъ мнѣ, — разсуждаетъ Васька Пепелъ,—родитель всю жизнь въ тюрьмахъ сидѣлъ и мнѣ то же заказалъ... меня еще маленькаго звали: воръ, воровъ сынъ... я съ измалѣтства воръ».—«Уваженіе къ чужой собственности нужно имѣть только тогда, когда есть своя»... (проходимецъ Промтовъ). Неоднократно босяки выражаютъ желаніе «клюнуть денежнаго человѣка по башкѣ, особенно ежели умѣючи дѣло обставить» («Емельянъ Пиляй»), «оборудовать два-три дѣльца» («Дѣло съ застежками») и т. п. Босяки, впрочемъ, въ этихъ случаяхъ больше дѣйствуютъ, чѣмъ разсуждаютъ.

Относясь пренебрежительно ко всѣмъ правиламъ нравственности и основамъ человѣческаго общежитія, босяки уважаютъ и преклоняются только передъ силой. Это преклоненіе предъ силой и восхваленіе силы такъ замѣтно, такъ выпукло изображено въ сочиненіяхъ Горькаго, что нѣкоторые изъ его критиковъ видятъ въ этомъ основную идею всѣхъ произведеній Горькаго и доказываютъ, что они—открытая и убѣжденная проповѣдь ницшеанства [1]). Снохачъ Силанъ (самое имя его указываетъ на силу), Артемъ, Ванька Красный, Кузька, солдатъ («Двадцать шесть и одна»), Игнатъ Гордѣевъ, Илья Луневъ, Челкашъ, Сережка («Мальва»), проходимецъ Промтовъ, Гомозовъ, воръ Пляши-нога, герои романтическихъ разсказовъ Горькаго (цыганъ Лойко Зобаръ, Соколъ, Данко и др.), ротмистръ Кувалда, машинистъ Нилъ и пѣвчій Тетеревъ и проч. — являются настоящими героями въ сравненіи съ своими жертвами и вообще съ окружающими ихъ, которые по бо́льшей части открыто преклоняются предъ ними. Варенькѣ Олесовой въ романахъ (да и въ жизни) «больше всего нравятся злодѣи... умные они, сильные... мужчина—говоритъ она—долженъ быть высокъ, силенъ...

---

[1]) Напр., „Идеалы М. Горькаго", іером. Георгія (*Вѣра и Разумъ* 1903 г. № 5).

чувства у него должны быть смѣлыя, незнающія никакихъ препятствій»... да и сама Варенька такова.—«Кто силенъ, тотъ и уменъ («Мой спутникъ»).—«Виноватъ ты тѣмъ, что постоять за себя не умѣешь... безъ когтей и зубовъ»—честитъ снохачъ Силанъ имъ же безбожно обиженнаго сына.—«Ежели видишь—сильный, способный къ дѣлу человѣкъ, — пожалѣй, помоги ему. А ежели какой человѣкъ слабый, къ дѣлу не склоненъ,—плюнь на него и пройди мимо», — поучаетъ Игнатъ Гордѣевъ сына.—Наоборотъ, нѣкоторые другіе изъ критиковъ Горькаго защищаютъ его отъ обвиненій въ преклоненіи предъ силою и ницшеанствѣ и стараются доказать противное. — И по нашему мнѣнію, уже высказанному ранѣе—общая и главнѣйшая черта героевъ Горькаго—отрицаніе порядковъ и формъ человѣческаго общежитія, а преклоненіе предъ силою—уже одна изъ второстепенныхъ чертъ.

Отношеніе къ женщинѣ—самое циническое и презрительное.—«Ты говоришь: и баба человѣкъ!—разсуждаетъ Коноваловъ, этотъ еще лучшій изъ босяковъ.—Извѣстно, ходитъ она на однѣхъ заднихъ лапахъ, травы не ѣстъ, слова говоритъ, смѣется... значитъ, не скотъ. А все-таки нашему брату не компанія».—

Таково же, конечно, отношеніе и къ семьѣ. «Какой я семьянинъ?.. Жизнью такою жить не умѣю, я и не научусь»,—говоритъ Коноваловъ. И онъ и Илья Луневъ совершенно отрицаютъ семейную жизнь.

Изъ всѣхъ земныхъ благъ босякъ прежде всего жаждетъ водки. У него всегда «внутри жжетъ» (Коноваловъ»).—«Развѣ я могу не пить, коли въ этомъ моя радость... Водка гаситъ сердце».—«Если бы мнѣ тысячу рублей,—мечтаетъ Емельянъ Пиляй,—сейчасъ бы открылъ кабакъ... устроилъ бы подъ стойкой постель и прямо изъ боченка въ ротъ трубку себѣ провелъ.. отвернулъ кранъ... и буль-буль-буль... прямо въ горло».—«Мнѣ попъ говорилъ,—цинически разсказываетъ Сережка («Мальва»),—что человѣкъ о душѣ своей долженъ заботиться. А душа

у меня требуетъ водки...» — «Хорошій человѣкъ всегда пьяница»—говоритъ сапожникъ Перфишка. «Терентій Богословскій—потомственный алкоголикъ и кавалеръ Зеленаго Змія»—рекомендуется пѣвчій Тетеревъ. И вообще босяки или пьютъ или сгораютъ неудержимымъ желаніемъ выпить.—А затѣмъ, конечно, интересы брюха. «Брюхо въ человѣкѣ—первое дѣло».

Таково міросозерцаніе и таковъ нравственный обликъ не только босяковъ и близко къ нимъ стоящихъ людей, но въ значительной степени и всѣхъ героевъ Горькаго. Но въ этой массѣ есть и особенно выпуклые типы, и изъ нея можно выдѣлить нѣсколько разновидностей положительнаго, по взгляду нашего автора, типа. Таковы:

Проповѣдники свободы въ особенности, безусловной свободы. Такихъ Горькій находитъ преимущественно внѣ русскаго народа: цыганъ Макаръ Чудра, молдаванка Изергиль, татаринъ—и ихъ романтическія легенды. И люди эти и разсказываемыя ими легенды полны самаго обиднаго презрѣнія къ установившимся формамъ жизни и стѣсненіямъ, налагаемымъ ими на людей, и воспѣваютъ просторъ бѣлаго свѣта, разгулъ страстей и свободу отъ всякихъ обязанностей.

«Смѣшные люди,—резонируетъ старый цыганъ Макаръ Чудра.—Собрались въ кучу и давятъ другъ друга, а мѣста на землѣ вонъ сколько... И все работаютъ. Зачѣмъ? Кому? Никто не знаетъ. Видишь, какъ человѣкъ пашетъ и думаешь: вотъ онъ по каплѣ съ потомъ силы свои источитъ на землю, а потомъ ляжетъ въ нее и сгніетъ въ ней. Ничего по немъ не останется, ничего онъ не видитъ съ своего поля и умретъ, какъ родился, дуракомъ. Чтожъ, онъ родился за тѣмъ что ли, чтобы поковырять землю, да и умереть, не успѣвъ даже могилы себѣ выковырять? Вѣдома ему воля? Ширь степная понятна? Говоръ морской волны веселитъ ему сердце? Эге! онъ рабъ—какъ только родился, и во всю жизнь рабъ, да и все тутъ! Что онъ съ собой можетъ сдѣлать? Только удавиться, коли поумнѣетъ немного».

Затѣмъ, искатели смысла жизни. И босяки и всѣ вообще герои Горькаго очень любятъ философствовать и разсуждать о жизни. И насколько циничны по большей части эти разсужденія, настолько же они и безотрадны. «Философствовать всегда глупо»,—разсуждаетъ Аристидъ Кувалда;—когда въ головѣ заведутся насѣкомыя — и это безпокойно; если же въ нее заползутъ еще и мысли, какъ же ты будешь жить?»—и тѣмъ не менѣе самъ философствуетъ съ утра до ночи. «Задумавшіеся люди»—не рѣдкость среди босяковъ, а тоска, какъ ни храбрятся босяки, заползаетъ иногда въ грудь даже самыхъ отчаянныхъ изъ нихъ, какъ вора Васьки Пепла. «Никуда не лѣзь»,—разсуждаетъ больной хохолъ въ разсказѣ Коноваловъ,—придетъ время, тебя и безъ твоей воли куда слѣдуетъ втянетъ и смолотитъ въ пыль».—«Люди скоты»,—разсуждаетъ Безрукій («Тоска»).—Впрочемъ, все держится въ своихъ законахъ, и человѣкъ на землѣ не болѣе, какъ ничтожная гнида. Все въ порядкѣ, ныть и плакать не стоитъ—ни къ чему ни поведетъ. Живи и ожидай, когда тебя изломаетъ, а если изломало уже,—жди смерти. Только и есть на землѣ всѣхъ умныхъ словъ... Значитъ живи и не кобенься, а то тебя сейчасъ же разрушитъ въ прахъ.»—«Жилъ я плохо»,—разсказываетъ церковный сторожъ Никита Егорычъ («Трое»),—въ обидахъ и огорченіяхъ, радостей же не было въ жизни моей... Все ждалъ, когда радости будутъ... Зачѣмъ жилъ, отгадай...»

Но помимо этого, у Горькаго есть искатели смысла жизни по преимуществу. Они всю свою жизнь ищутъ въ ней смысла, но такъ какъ съ этимъ исканіемъ смысла жизни у нихъ не соединяется никакой заботы о нравственномъ самоусовершенствованіи, то оно нисколько не мѣшаетъ имъ вести безобразную, безнравственную и скандальную жизнь. Таковы—Ѳома Гордѣевъ, Илья Луневъ, сапожникъ Григорій Орловъ. Первый изъ нихъ (Гордѣевъ) недоволенъ жизнью, хотя она къ нему болѣе чѣмъ благосклонна, и не видитъ въ ней смысла; второй всю жизнь

жалуется на несправедливость судьбы и на то, что онъ обдѣленъ почему-то житейскими благами («чего не коснись,—все не про насъ»), хотя, въ сущности, онъ далеко не обиженъ судьбою. Третій (Орловъ) пьянствуетъ и не желаетъ работать, не видя смысла въ работѣ.— «Вотъ такъ жизнь, вѣдьма ея бабушка!—разсуждаетъ онъ.—И зачѣмъ только она мнѣ далась? Работища да скучища, скучища да работища... Родила меня мать по волѣ Божіей... супротивъ этого ничего не скажешь! Научился я мастерству... это вотъ зачѣмъ? Али, кромѣ меня, мало сапожниковъ? Ну, ладно, сапожникъ, а дальше что? Какое въ этомъ для меня удовольствіе?.. Сижу въ ямѣ и шью... Потомъ помру. Вотъ говорятъ, холера... Ну и что же? Жилъ Григорій Орловъ, шилъ сапоги—и померъ отъ холеры. Въ чемъ же тутъ сила? И зачѣмъ это нужно, чтобы я жилъ, шилъ сапоги и померъ, а?.. Эхъ, ты, жизнь, дьявольская ты премудрость!..»

«Выйду я, къ примѣру,— разсуждаетъ онъ же,— вижу то, другое, третье, а у меня ничего нѣтъ. Это мнѣ обидно... Я не знаю даже, чего хочу?.. Всего!..»

Симпатичнѣе этихъ озлобленныхъ нытиковъ, Яковъ Филимоновъ и Коноваловъ. Первый, болѣзненный и мистически настроенный, съ дѣтства задумывается надъ «проклятыми вопросами» и разсуждаетъ о томъ, «какъ устроить порядокъ въ душѣ» и дознаться, «къ чему я опредѣленъ». Коноваловъ же очень строгъ къ себѣ. Его очень мучаетъ мысль, какъ бы найти и установить «порядокъ поступковъ», «порядокъ въ жизни», «поступки разъяснить», которые вредны и которые ничего себѣ». «Живу я и тоскую,—разсуждаетъ онъ.—Про что? неизвѣстно. Вродѣ того со мною, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего-то такого, что̀ у всѣхъ другихъ людей есть и что̀ человѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ. Такая тоска на меня находитъ, что невозможно мнѣ въ ту пору жить,—совсѣмъ нельзя. Какъ будто я одинъ человѣкъ на всемъ свѣтѣ, и кромѣ меня, нигдѣ ничего

живого нѣтъ. И все мнѣ въ ту пору противѣетъ — все какъ есть; и самъ я себѣ становлюсь въ тягость, и всѣ люди: хоть помирай они—не охну!..»

Далѣе, устроители жизни, положимъ,—въ будущемъ. Одни изъ нихъ—разумные и смѣлые, какъ машинистъ Нилъ, отъ котораго, по выраженію Поли, «дурнымъ людямъ, злымъ и жаднымъ, будетъ плохо»; такой же—помощникъ машиниста Краснощековъ (въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ»); передовая гимназистка Медвѣдева, командующая цѣлымъ интеллигентнымъ обществомъ («Трое»); учительница Цвѣтаева («Мѣщане»), мечтающая, что мальчики, которыхъ она учитъ, будутъ интеллигентными людьми, докторами, журналистами Другіе—мудрые учители жизни, наставители и утѣшители (Лука), или тихіе мечтатели о будущемъ всеобщемъ благѣ (Поля Перчихина).

Протестанты и обличители. Хотя и всѣ вообще босяки равно какъ и всѣ герои Горькаго, люди озлобленные или по крайней мѣрѣ, выставляющіе себя таковыми, и нѣкоторые изъ нихъ мнятъ себя чуть не пророками, призванными громить гнилые устои общества, и «мечтаютъ объ универсальной мести всѣмъ и каждому»,—но при всемъ томъ есть у Горькаго обличители социальной неправды по преимуществу. Таковы, умершій писатель (въ разсказѣ «О чертѣ»), журналистъ Ежовъ («Ѳома Гордѣевъ»), наборщикъ Николка Гвоздевъ («Озорникъ»), обиженный отцомъ парень Митрій («На плотахъ»). «Бездушные! Безбожные вы люди, бѣжать отъ васъ—одно спасенье!—со злобою и страстнымъ возбужденіемъ говоритъ этотъ послѣдній.—Зачѣмъ вы живете? Гдѣ у васъ Богъ? Али вы во Христѣ живете? Эхъ, волки вы!.. Брошу васъ, волки безумные,—отъ плоти другъ друга питаетесь вы! Анаѳема вамъ!»

Наконецъ, побѣжденные жизнью, «забракованные въ жизни, которымъ нѣтъ въ ней хода», по выраженію озорника Николки Гвоздева. Хотя громадное большинство героевъ Горькаго находится и вообще болѣе или менѣе

«внѣ жизни».— тѣмъ не менѣе лишь о немногихъ изъ нихъ можно прямо сказать, что они неудачники, задавлены жизнью и выброшены изъ жизни; многіе изъ нихъ сами «ушли изъ жизни»: въ бо́льшинствѣ же случаевъ въ ихъ судьбѣ смѣшивается то и другое, и дѣлить ихъ въ этомъ смыслѣ по категоріямъ очень трудно. Задавлены жизнью статистики Ярославцевъ и Кравцовъ (Ошибка»), забитая до смерти жена Клеща Анна («На днѣ»), Матрена Орлова, Петръ и Татьяна Безсѣменовы [1]), Яковъ Филимоновъ и дочь Пирфишки Маша («Трое»), Безрукій («Тоска»), Митрій («На плотахъ») и отчасти Наташа «На днѣ») и чахоточный учитель («Тоска»).

Теперь мы должны отвѣтить на вопросъ: вѣрна ли картина нравственнаго состоянія русскаго общества и народа, нарисованная Горькимъ?

Сильно ошибся бы тотъ, кто вздумалъ бы судить о русскомъ обществѣ и народѣ по сочиненіямъ Горькаго. Всѣ, кто въ какомъ бы то ни было отношеніи стоятъ выше босяка, кто пріобрѣлъ себѣ болѣе или менѣе устойчивое положеніе въ жизни,—всѣ одинаково и почти безъ исключенія осмѣяны въ сочиненіяхъ Горькаго. Интеллигенція—«гниды», духовно сгнила, пошлость ея превосходитъ всякое вѣроятіе, всѣ ея либеральныя учрежденія—лишь лицемѣріе и обманъ; купечество—все, безъ малѣйшаго исключенія,—люди, хуже которыхъ и представить себѣ невозможно, интеллигентный и либеральный купецъ гадъ, какого не найдешь ни въ одномъ болотѣ; мужикъ—звѣрь, тупъ, жаденъ и трусливъ. Таковъ приговоръ обществу и народу. Кто же остается въ выигрышѣ? Кто заслуживаетъ уваженія? Только одинъ босякъ. Босякъ заслоняетъ собою у Горькаго весь русскій народъ; изъ-за его широкой спины не видно совсѣмъ многомилліоннаго православнаго русскаго народа,—точно онъ вымеръ со-

[1]) Первый—жертва товарищескаго насилія, заставившаго его принять участіе въ студенческихъ безпорядкахъ и поплатиться за это, слабый человѣкъ, какъ онъ самъ себя называетъ. Вторая называетъ себя ползучимъ растеніемъ, цѣпляющимся за ноги людей.

всѣмъ. Но и этого мало Босякъ не только заслоняетъ собою русскій народъ, но онъ и въ своемъ родѣ герой. Онъ (и одинъ только онъ) заслуживаетъ сочувствія и уваженія. Хотя Горькій отнюдь не скрываетъ его отрицательныхъ качествъ, но изображаетъ ихъ такъ, что эти качества обращаются босяку едва не въ заслугу и, по крайней мѣрѣ, составляютъ вину не его, а интеллигенціи. Словомъ босякъ изображенъ у Горькаго въ приподнятомъ, мелодраматическомъ тонѣ. Это уже не пропоица, у котораго «нутро горитъ до смерти» отъ жажды водки, презирающій и ненавидящій работу, высматривающій, гдѣ что плохо лежитъ и потрясающій воздухъ неприличною руганью,—это скорѣе трагическій герой бульварныхъ французскихъ романовъ 18-го и прошлаго столѣтій и нашего Марлинскаго (намекъ на знакомство съ ними нашего автора данъ устами Вареньки Олесовой, увлекающейся будто бы этими бульварно-героическими романами, во время оно въ обилии переводившимися и издававшимися въ Россіи). Это въ своемъ родѣ герой, нерѣдко носящій въ груди почти титаническія силы, зачастую носитель міровой скорби и остроумный философъ, ѣдко и безпощадно осмѣивающій ложь, пустоту и зло жизни; это, наконецъ, будущій соціальный мститель, мечтающій объ «универсальной мести» всѣмъ «господамъ жизни», хотя онъ въ то же время унижается и лебезитъ предъ всѣми и трепещетъ обыкновенной полиціи. Онъ совершаетъ геройскіе подвиги, способенъ на безграничное великодушіе, попираетъ блага міра, презираетъ жизнь. Женщины, и не босячки, а богатыя и едва ли не знатныя, наперерывъ добиваются его любви. Самая фигура босяка — иногда «львиная, огненная, сжатая въ комъ мускуловъ»; онъ рычитъ, реветъ и скрипитъ зубами отъ сочувствія къ Стенькѣ Разину, и отъ него въ это время исходитъ что-то возбуждающее и опьяняющее, какой-то горячій туманъ. Вообще босякъ возвеличенъ Горькимъ насчетъ всего русскаго народа.

Горький не первый открылъ въ Россіи босяка: его изображали до него и Тургеневъ, и Достоевскій, и Левъ Толстой, и Григоровичъ, и Островскій и другіе. Но они старались открыть даже въ самомъ падшемъ человѣкѣ искру Божію, остатки совѣсти и сознаніе своего паденія, способность и желаніе стать лучшимъ, но не возвеличивали того что̀ недостойно возвеличенія, и не изображали босяковъ героями и едва не титанами.

Неправдоподобный въ общемъ, портретъ босяка изобилуетъ неправдоподобностями и въ частностяхъ. Сантиментальная мелодрама Емельяна Пиляя; вступленіе къ повѣсти «Трое», составленное по дешевому либеральному шаблону; черезъ чуръ ранняя и глубокая философія Якова Филимонова: сцена душенія Луневымъ купца Полуэктова; почти вся сцена суда надъ Вѣрой; эффектъ обличенія мальчикомъ Луневымъ Терентія, послѣ кражи послѣднимъ денегъ у умирающаго тряпичника, и такое же обличеніе мальчикомъ Ленькой старика Архипа; весь разсказъ Макаръ Чудра»; почти весь разсказъ «Старуха Изергиль», относительно котораго остается только сказать: «не любо—не слушай», и прочіе романтическіе разсказы Горькаго, и отдѣльныя мѣста въ разсказахъ: «Челкашъ», «Мальва», «На плотахъ», «Въ степи», «Тоска», и другихъ—совершенно неправдоподобны. Такъ какъ подобное указаніе этихъ неправдоподобностей не входитъ въ нашу задачу,—укажемъ лишь на нѣкоторыя. Въ «Мѣщанахъ» Тетеревъ рѣшительно ни съ того ни съ сего читаетъ Еленѣ цѣлую лекцію о законѣ достаточнаго основанія (какъ будто самъ авторъ только что узналъ о немъ и спѣшитъ подѣлиться своимъ знаніемъ съ читателями). Луку, только что пришедшаго въ ночлежку, конечно, усталаго, авторъ сейчасъ же заставляетъ пѣть.—кажется, для того только, чтобы онъ былъ остановленъ Пепломъ (у котораго, очевидно, нервы не выносятъ плохого пѣнія, хотя онъ и живетъ въ ночлежкѣ, гдѣ никто въ выраженіи своихъ чувствъ, конечно, не стѣсняется), сказалъ по этому поводу нраво-

учительную сентенцію и тѣмъ сразу же обратилъ на себя вниманіе. Вслѣдъ за этимъ авторъ тоже ни съ того, ни съ сего заставляетъ Пепла стремительно увлечь барона въ трактиръ, чтобы дать Лукѣ въ его отсутствіе пофилософствовать о баронствѣ и барствѣ. Только отъ того же Луки узнаетъ про лѣчебницу для алкоголиковъ и актеръ и затѣмъ ужъ неизвѣстно отъ кого узнаетъ о ней и плѣнительныя подробности, главнымъ образомъ, то, что въ ней мраморные полы. Впечатлѣніе неправдоподобности производитъ и рекомендація доктора Тетереву. Въ разсказѣ «На плотахъ» не выяснено, откуда въ такой средѣ могло возникнуть аскетическое настроеніе Митрія. Семилѣтнія дѣти въ разсказѣ «Каинъ и Артемъ» уже имѣютъ сердечныя дѣла. Мальва, по замѣчанію г. Энгельгардта [1], должна была пахнуть не моремъ, а отвратительнѣйшимъ, невыносимымъ запахомъ гнилой рыбы, кромѣ того, такихъ сказочныхъ красавицъ и не бываетъ среди чахлыхъ и изможденныхъ работницъ на рыбныхъ промыслахъ. Въ книгѣ Іова Яковъ Маякинъ видитъ возмущеніе противъ Бога, хотя тамъ же сказано (Іов. 1, 22), что Іовъ не согрѣшилъ и не произнесъ ничего неразумнаго о Богѣ. Въ странномъ видѣ является предъ читателемъ и Клещъ (На днѣ»). Онъ забилъ до смерти жену, и онъ же изъ ночлежниковъ является лучшимъ: онъ одинъ только изъ нихъ желаетъ трудиться и «жить по Евангелію, по закону».—Въ особенности много неправдоподобностей въ разсказѣ «Трое».

Какое же впечатлѣніе могутъ произвести на читателя сочиненія Горькаго, принимая во вниманіе въ особенности то, что они усердно читаются *всѣми* классами общества?— Впечатлѣніе, которое никакъ нельзя признать желательнымъ. Міръ босяковъ, гдѣ уважается только сила, нахаль-

---

[1]) „Максимъ Горькій, какъ художникъ". („Русскій Вѣстникъ" 1902 г. іюнь стр. 445).

ство, да звѣриная хитрость, гдѣ хорошо живется лишь тому, у кого длинные когти да острые зубы — и тѣмъ лучше, чѣмъ они острѣе и длиннѣе, гдѣ главное правило жизни: «наплевать на все», гдѣ первыя мѣста принадлежатъ волкамъ, въ человѣческомъ образѣ и ворамъ — людямъ босымъ и голымъ не въ буквальномъ, но и въ духовномъ, нравственномъ смыслѣ,— ни въ какомъ случаѣ не способенъ пробудить въ душѣ добрыхъ чувствъ и дать здоровое освѣжающее чтеніе. Кому принадлежатъ первыя, лучшія мѣста въ этомъ своеобразномъ міркѣ, кто здѣсь «господа жизни», которымъ въ немъ живется лучше всѣхъ?—Негодяямъ, ворамъ, развратникамъ и лежебокамъ, беззаконникамъ. Кому живется хуже всѣхъ? Несчастному Каину, Клещу, у котораго есть стыдъ, который желаетъ жить по Евангелію и закону и работать, Матренѣ Орловой, Митрію, Якову Филимонову и всѣмъ вообще, кто хочетъ трудиться да жить по совѣсти, равно какъ и тѣмъ изъ босяковъ, которые почему-либо начинаютъ задумываться о своей жизни. На какія мысли можетъ навести читателя, въ особенности малоинтеллигентнаго, знакомство съ этимъ міркомъ? И если когда-либо эти герои въ дѣйствительности получатъ преобладаніе,—какая судьба будетъ ожидать тогда общество? Отношенія героевъ Горькаго другъ къ другу по своей необыкновенной упрощенности и свободѣ «отъ всякихъ путъ и узъ» нерѣдко переносятъ читателя совсѣмъ въ царство животныхъ, въ царство звѣрей. Неужели это здоровое чтеніе и неужели это идеалъ, къ которому долженъ стремиться православный русскій народъ? Въ особенности тяжелое впечатлѣніе производитъ повѣсть «Трое»—это во всѣхъ отношеніяхъ худшее изъ произведеній Горькаго. Слишкомъ ужъ откровенны аппетиты и вожделѣнія жаднаго, но отнюдь не голоднаго Ильи Лунева. И за откровеніемъ этихъ вожделѣній слѣдуетъ «Пѣсня о буревѣстникѣ..» Тяжелое впечатлѣніе производитъ и разсказъ «На плотахъ», гдѣ слишкомъ ярко выставлено превосходство физической силы и лице-

мѣрной наглости и не видно возмездія нравственнаго закона.

Могутъ сказать: но вѣдь и въ дѣйствительности, въ жизни по большей части торжествуетъ зло, а всякое художественное, т. е. правдивое литературное произведеніе, должно отражать жизнь, какъ она есть.—Да, но не правъ все таки писатель, который изображаетъ одно только зло, и сугубо не правъ, если онъ притомъ это зло изображаетъ въ видѣ геройства, почти въ привлекательномъ видѣ.—«Ты думаешь,—говоритъ нашему автору фантастическій «Читатель»,—что это полезно рыться въ мусорѣ будень и не умѣть находить въ нихъ ничего кромѣ печальныхъ и крошечныхъ истинъ, устанавливающихъ только то, что человѣкъ золъ, глупъ, безчестенъ, что онъ вполнѣ и всегда зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій». И писатель долженъ помнить, что «задача литературы—облагородить человѣка и что, читая его произведеніе, нѣсколько тысячъ людей живутъ его мыслью» (тамъ же). И тѣмъ болѣе долженъ помнить это писатель, чѣмъ онъ талантливѣе и чѣмъ большимъ успѣхомъ пользуются его произведенія.

«Думалъ ли ты о своемъ правѣ поучать?.. Ты даешь крупицу твоего опыта подъ проценты вниманія къ тебѣ. Твое право проповѣдывать должно имѣть достаточное основаніе въ твоей способности возбуждать въ людяхъ искреннія чувства... Чему вы учите? Чего ради пишете?... Понимаете ли вы жизнь настолько, чтобы объяснять ее другимъ?..» Такіе вопросы предлагаетъ нашему автору фантастическій читатель въ упомянутомъ уже нами разсказѣ. И авторъ, страшно смущенный этими вопросами, съ тоскою думаетъ:

«Что же, въ самомъ дѣлѣ, я проповѣдую? Я—такой, каковъ есть? И что я могу сказать людямъ?»—Имѣя въ виду эти слова, спросимъ и мы: настолько ли великъ и настолько ли созрѣлъ талантъ Горькаго и такъ ли зна-

чителенъ его жизненный опытъ, чтобы судить о жизни и людяхъ такъ смѣло и рѣшительно, какъ судитъ онъ?

Не отрицая отнюдь несомнѣннаго таланта Горькаго, мы однакоже должны напомнить, что онъ, и по его собственнымъ словамъ, не получилъ систематическаго образованія. Намъ кажется также, что и жизненный опытъ его недостаточно великъ, и что Россію и русскій народъ онъ знаетъ мало. Жилъ онъ преимущественно въ двухъ большихъ приволжскихъ городахъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ въ одномъ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, босяковъ въ особенности много; путешествовалъ лишь по югу Россіи, въ кампаніи преимущественно опять-таки босяковъ, и русскій народъ видѣлъ мало.—Затѣмъ, въ произведеніяхъ Горькаго не мало сходства съ произведеніями другихъ писателей. Такъ муки Ѳомы Гордѣева напоминаютъ душевное состояніе Константина Левина изъ Анны Карениной, филиппика Гордѣева на пароходѣ Кононова—сцену чтенія письма Хлестакова, начало «Вареньки Олесовой» — «Обрывъ» Гончарова, «Мальва» — «Тамань» Лермонтова, а романтическія его произведенія—кавказскія поэмы Пушкина и Лермонтова, Африканъ Смолинъ—въ дѣловомъ отношеніи — Обломовскаго Штольца. странникъ Миронъ—щедринскаго (въ «Губернскихъ очеркахъ») Пименыча и т. д.—Еще больше у Горькаго повтореній—и въ типахъ, и въ сценахъ, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Такъ, очень сходны: Ѳома Гордѣевъ, Илья Луневъ и сапожникъ Орловъ, сапожникъ Перфишка и мѣщанинъ Перчихинъ (здѣсь сходство доходитъ даже до того, что оба они послѣ свадьбы своихъ дочерей бросаютъ домъ), сходны отчасти и дочери ихъ—Поля и Маша; Артемъ и Ванька красный, Мальва и Марья («На плотахъ»), журналистъ Ежовъ и Сурковъ («Мужикъ»), Яковъ Филимоновъ и Митрій, пѣвчіе Тетеревъ и Кирмаловъ, сыновья Петунникова и Маякина, машинистъ Нилъ и помощникъ машиниста Краснощековъ («Ѳ. Гордѣевъ»), чахоточный учитель въ разсказахъ «Тоска» и «Кирилка»

и даже тряпичники Тяпа и Еремѣй. Одинъ и тотъ же попъ Алексѣй упоминается въ двухъ разныхъ разсказахъ, два разстриги—дьякона; одинъ и тотъ же типъ—мальчикъ Ежовъ («Ѳома Гордѣевъ») и мальчикъ Клоковъ, о которомъ разсказываетъ учительница Цвѣтаева въ «Мѣщанахъ». Сережка въ «Мальвѣ» напоминаетъ собою отчасти Челкаша, отчасти работника Сережку въ разсказѣ «На плотахъ». Очень сходны сюжеты разсказовъ—«Дружки» и «Дѣдъ Архипъ и Ленька», «Озорникъ» и «Товарищи». Также сходны: сцены обличенія мальчикомъ Луневымъ своего дяди Терентія за ограбленіе умирающаго тряпичника Еремѣя и мальчикомъ Ленькой своего дѣда Архипа за воровство, сцены пѣнія—въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ—на плотахъ и въ трактирѣ («Трое» и «Тоска»). Упоминаются неоднократно въ разныхъ разсказахъ: домъ Петунникова, домъ на обрывѣ и въ особенности самый обрывъ. Одинаковы разсужденія о темной силѣ, толкающей человѣка на преступленіе—Елены Кривцовой («Мѣщане») и тряпичника Еремѣя, однѣ и тѣ же необычныя поговорки—у Маякина и Мальвы, у Маякина и Луки, у Луки и Терентія: частыя и весьма похожія описанія моря и степи: частое до надоѣдливости повтореніе выраженія «родился звукъ» и друг.; странные и неудачные обороты: вѣтеръ несетъ «листья съ моря», открытые рты сравниваются съ гнойными ранами и т. п. Нѣсколько странное впечатлѣніе производятъ разсказы «о чортѣ». Терентій и Илья Луневъ должны быть раскольниками,—между тѣмъ первый изъ нихъ путешествуетъ по святымъ мѣстамъ, а второй ходитъ въ церковь и молится на церкви. Можно привести и другіе примѣры. Все это наводитъ на мысль, что запасъ наблюденій и опыта у нашего автора или не очень великъ или уже истощается.

Встрѣчаются и противорѣчія. Относясь съ крайнимъ пренебреженіемъ къ интеллигенціи, Горькій иногда признаетъ ея заслуги, напр. врачей. Въ «Бывшихъ людяхъ» онъ говоритъ, что о деревнѣ принято писать лишь то.

«что рисуетъ ее только несчастной, глупой и злой», а самъ изображаетъ крестьянъ преимущественно глупыми, жадными и злыми, и въ единственномъ своемъ разсказѣ изъ деревенской жизни «Выводъ» рисуетъ картину такого дикаго и отвратительнаго звѣрства, хуже которой трудно, кажется себѣ и представить. Почти то же и въ разсказѣ «На Плотахъ». Онъ ненавидитъ странниковъ по святымъ мѣстамъ и между тѣмъ самый симпатичный у него типъ—это единственный выведенный имъ такой странникъ Миронъ. Ротмистръ Кувалда ненавидитъ и презираетъ философію, говоря, что философія—одна изъ причинъ его неудачъ и—философствуетъ съ утра до ночи.

Самъ авторъ иногда затрудняется опредѣлить характеръ своихъ произведеній, и самыя большія изъ нихъ, какъ Ѳома Гордѣевъ» и «Трое» (кстати, эту повѣсть съ бо́льшимъ основаніемъ можно было бы назвать и «Четверо» и «Илья Луневъ») не носятъ названія ни повѣсти ни романа.

Теперь спросимъ, какъ, въ концѣ концовъ, относится къ любимымъ своимъ героямъ самъ Горькій? Въ его произведеніяхъ есть типы, къ которымъ авторъ относится съ особенною любовью и которые, по его взгляду, въ большей степени, нежели остальные, являются жертвами среды условій жизни. Таковы въ особенности: Ѳома Гордѣевъ, Илья Луневъ, Григорій Орловъ, Коноваловъ, машинистъ Нилъ, Маша, Поля, гимназистка Медвѣдева, учитель изъ «Бывшихъ людей», ротмистръ Аристидъ Кувалда, журналистъ Ежовъ и въ особенности странникъ Лука. Какими, при внимательномъ чтеніи, встаютъ предъ безпристратнымъ читателемъ эти герои?

Ѳома Гордѣевъ въ извѣстной степени можетъ быть дѣйствительно названъ жертвою среды и своего темперамента. Отъ тѣхъ людей, среди которыхъ онъ выросъ, онъ вообще и не могъ научиться хорошему. Но онъ и

не ищетъ его. Къ книгамъ и ученымъ людямъ онъ относится съ полнымъ пренебреженіемъ, а отвѣтовъ на мучащіе его вопросы о жизни ищетъ исключительно у трактирныхъ пропойцъ и кутилъ. Мудрено ли, что онъ и не нашелъ отвѣта? Ведя зазорную и безобразную жизнь, онъ однако не считаетъ себя грѣшникомъ («али много я согрѣшилъ?.. другіе то вонъ»...), а съ такимъ фарисейскимъ самомнѣніемъ и отсутствіемъ сознанія своей духовной нечистоты и желанія нравственнаго самоусовершенствованія и нельзя обновиться духомъ и познать свое назначеніе или, что̀ тоже, смыслъ жизни.

Но каковъ бы ни былъ Ѳома Гордѣевъ,—несравненно хуже его Илья Луневъ. Тотъ хоть ищетъ или, по крайней мѣрѣ, говоритъ, что ищетъ смысла жизни; жалобы же и вожделѣнія Лунева направлены исключительно на матеріальныя блага. А между тѣмъ онъ, въ сущности, вовсе не обдѣленъ жизнью. Сапожникъ Перфишка удивляется, какъ хорошо живется Луневу сравнительно съ тѣмъ, какъ жилось въ эти годы самому Перфишкѣ. По словамъ просвѣщенной гимназистки Медвѣдевой, онъ самъ уже является обирателемъ рабочаго класса, наживая по три копейки на каждый аршинъ ленты. А онъ все ноетъ, стонетъ и жалуется, жалуется безъ конца, приводя этимъ въ раздраженіе читателя. «Который человѣкъ много жалуется на все, да охаетъ, да стонетъ,—грошъ ему цѣна»,— говоритъ Маякинъ. И въ гибели Лунева никто не виноватъ, кромѣ него самого, равно какъ и въ судьбѣ почти двойника Лунева, сапожника Григорія Орлова.—Таково же достоинство протеста «озорника» Николки Гвоздева.

Машинистъ Нилъ рекомендуетъ себя лишь дерзостью и нетерпимостью Поля—слишкомъ безцвѣтна. Варвара Васильевна и Татьяна Николаевна, выведенныя въ неоконченномъ очеркѣ «Мужикъ», очерчены слишкомъ блѣдно. Просвѣщенная, передовая и до послѣдней крайности нетерпимая гимназистка Медвѣдева — почти карикатурна.— Коноваловъ обнаруживаетъ не однѣ босяческія добродѣ-

тели. Къ Пугачеву, который «царскимъ именемъ прикрылся и мутитъ... шельма клейменая»..., онъ относится съ такимъ негодованіемъ, что не хочетъ и слушать о немъ. Кромѣ того, онъ очень строгъ къ себѣ и, хотя самъ босякъ,—строго осуждаетъ всѣхъ босяковъ.

Учитель изъ бывшихъ людей «спокойнымъ и вдумчивымъ голосомъ» поучаетъ маляра Яшку, какъ нужно бить беременную жену.—Кувалда добръ и жалостливъ къ босякамъ, но зато всѣхъ остальныхъ людей ненавидитъ.

Протестантъ и обличитель Ежовъ, распинающійся на словахъ за рабочихъ,—когда рабочіе просятъ его заступиться за нихъ предъ хозяиномъ, отдѣлывается одними словами.

Но наиболѣе положительный по взгляду Горькаго и одинъ изъ наиболѣе интересныхъ его типовъ это—Лука. Лука—вотъ типъ, котораго доселѣ не хватало у Горькаго и который несомнѣнно долженъ былъ появиться, потому что какъ бы ни былъ человѣкъ недоволенъ дѣйствительностью,—жить однимъ отрицаніемъ нельзя. И весьма возможно, что этотъ типъ получитъ у нашего автора и дальнѣйшее развитіе. Въ виду этого разсмотримъ этотъ типъ нѣсколько поподробнѣе.

Лука—загадочный типъ, напоминающій собою отчасти хоръ въ античныхъ трагедіяхъ. Внезапно появляется онъ въ Костылевской ночлежкѣ и такъ же внезапно исчезаетъ оттуда отъ полиціи, «яко дымъ отъ лица огня», по неудачному выраженію барона (или самаго автора) во время драки,—исчезаетъ, взбудораживъ обитателей ночлежки, «проквасивъ» ихъ, по выраженію Сатина. Онъ—человѣкъ, повидимому, вѣрующій, хотя, очевидно, неправославный [1])

---

[1]) Изъ Костылевской ночлежки онъ намѣренъ направиться въ „хохлы“, которые „новую вѣру открыли—поглядѣть“. Это первый признакъ религіознаго „шатуна“. Настоящій православный не пойдетъ смотрѣть новыя вѣры

а или сектантъ, или скорѣе, такъ называемый «искатель вѣры». Человѣкъ онъ умный и притомъ добрый и жалостливый: утѣшаетъ умирающую Анну, старается спасти отъ пьянства актера, отвести отъ грѣха Ваську Пепла, оказываетъ обитателямъ ночлежки услуги и всѣмъ старается внушить добрыя чувства и возбудить въ нихъ вѣру въ свои силы. Все время онъ разсуждаетъ и философствуетъ. «Я и жуликовъ уважаю,—разсуждаетъ онъ, всякаго человѣка уважать надо... всякій человѣкъ своей цѣны стоитъ...»; однако, относится съ нескрываемой злобой къ супругамъ Костылевымъ и самъ разсказываетъ, какъ онъ заставилъ воровъ (кстати, напоминающихъ «Дружковъ») сѣчь другъ друга. Тѣмъ не менѣе большинство обитателей ночлежки относится къ нему какъ-то подозрительно. «Лука—старецъ лукавый».—говоритъ о немъ Пепелъ.— «Шарлатанъ»—подтверждаетъ баронъ.—«Много онъ вретъ»—говоритъ о Лукѣ Бубновъ: тоже говоритъ и Пепелъ. И дѣйствительно Лука не любитъ правды, и ни въ словахъ ни въ дѣйствіяхъ его нѣтъ прямоты. Даже на вопросы онъ никогда не отвѣчаетъ прямо или даже уклоняется отъ отвѣта. «И чего тебѣ правда то больно нужна»,—говоритъ онъ Клещу. И Клещъ вспоминаетъ о немъ: «Не любилъ старикъ правды.. очень противъ правды возставалъ». Паспорта у него нѣтъ, а если и есть, то онъ имѣетъ, очевидно, причины его не показывать. Да онъ и не любитъ бумагъ. «Онѣ, бумажки-то, всѣ такія, всѣ никуда не годятся»,—говоритъ онъ. Не любитъ онъ и порядковъ и вообще какого-то ни было начальства. «Сколько это, разсуждаетъ онъ,—разнаго народа на землѣ распоряжается... и всякими страхами другъ дружку пугаетъ». Однако, впрочемъ, городового Медвѣдева льстиво величаетъ «господиномъ ундеромъ», что на того дѣйствуетъ успокаивающе. Прошлое его тоже какъ-то сомнительно: «гляди, какой я? лысый?..—говоритъ онъ о себѣ.—А отчего? Отъ этихъ вотъ самыхъ разныхъ бабъ...» Да онъ и не любитъ говорить о своемъ прошломъ. Былъ онъ въ

Сибири: «много его мяли», по его собственнымъ словамъ, но болѣе почти ничего онъ о себѣ не сообщаетъ, да и объ этомъ упоминаетъ только къ случаю, мимоходомъ.

Но самое важное здѣсь слѣдующее. Каковы же были результаты пребыванія Луки у Костылевскихъ ночлежниковъ? Что онъ сдѣлалъ для нихъ? Оправдалъ ли онъ надежды автора, такъ усиленно рекомендовавшаго и выдвигавшаго его?—Результатъ его дѣятельности довольно вѣрно охарактеризовалъ по уходѣ его Клещъ: «поманилъ куда-то, а дорогу не сказалъ». Но и это было бы еще ничего. Вотъ прямое послѣдствіе его пребыванія въ ночлежкѣ: гибель человѣка—самоубійство актера. Лука расшевелилъ его душу, разбудилъ въ окончательно опустившемся пьяницѣ человѣка, внушилъ ему мысль о возможности исправленія,—а силы ему для этого не далъ, да и не могъ, конечно, дать, такъ какъ силы этой нѣтъ внѣ Христа. Въ лицѣ Луки — лучшаго изъ своихъ героевъ — Горькій страннымъ образомъ осудилъ все свое міросозерцаніе и наиболѣе симпатичныхъ себѣ своихъ героевъ и ясно показалъ безсиліе морали, чуждой Евангелія. Не сказалъ пути Лука, да и не скажетъ никогда, ибо этотъ путь только въ Томъ, Кто сказалъ о Себѣ: *Азъ есмь путь и истина и животъ... безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 14, 6; 15, 5) и чрезъ Кого Единаго только можетъ совершиться нравственное обновленіе человѣка.

Наконецъ, Коноваловъ, одинъ изъ лучшихъ героевъ Горькаго, произноситъ приговоръ всѣмъ босякамъ вообще: «Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не повиненъ, ежели я подлецъ есть!.. Кто виноватъ, что я пью? Павелка, братъ мой, не пьетъ,—въ Перми у него своя пекарня. А я вотъ работаю не хуже его, однако—бродяга и пьяница, и больше нѣтъ мнѣ ни званія, ни доли... А вѣдь мы одной матери дѣти. Онъ еще моложе меня. Выходитъ, что во мнѣ самомъ что-то неладно. Я на особой стезѣ... И не я одинъ — много насъ этакихъ. Особливые мы будемъ люди... и ни въ какой порядокъ не

включаемся. Особый намъ счетъ нуженъ. и законы особые, очень строгіе законы,— чтобы насъ искоренять изъ жизни! Потому пользы отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ и у другихъ на тропѣ стоимъ... Кто предъ нами виноватъ? Сами мы предъ собою и жизнью виноваты... Потому у насъ охоты къ жизни нѣтъ. и къ себѣ самимъ мы чувствъ не имѣемъ... вотъ въ чемъ сила...» — «Кто законъ душа имѣетъ, — подтверждаетъ татаринъ Асанъ,—хорошъ. Кто законъ терялъ—пропалъ!»

Есть, однако, у Горькаго и дѣйствительно положительные типы. Это прежде всего странникъ Миронъ. Странное дѣло! Больше всѣхъ, кажется, не любитъ Горькій странниковъ по святымъ мѣстамъ, и самый симпатичный у него типъ — именно такой странникъ! Самымъ неподдѣльнымъ уваженіемъ и самымъ искреннимъ чувствомъ проникнутъ разсказъ о немъ. Небесною музыкою звучатъ его тихія, благочестивыя рѣчи и глубокое и благотворное впечатлѣніе производятъ онѣ не только на окружающихъ его на пароходѣ людей, но даже и на Ѳому Гордѣева.

Безусловно положительный типъ и тряпичникъ Еремѣй—ласковый, добрый и кроткій старикъ, живущій въ нищетѣ и копящій деньги на построеніе церкви въ своемъ селѣ. «Нужно это... нужно людямъ Божьи храмы имѣть,— говоритъ онъ.—Одно убѣжище намъ—у Бога...»

Положительный типъ—и Горбунъ Терентій, взявшій на свое попеченіе малолѣтняго Лунева. Правда, по настоянію Филимонова, онъ крадетъ вмѣстѣ съ нимъ деньги у умирающаго Еремея. Но вопервыхъ, какъ могъ онъ ослушаться Филимонова? Вѣдь тотъ сейчасъ же выгналъ бы его съ малолѣтнимъ племянникомъ на улицу, и имъ обоимъ пришлось бы тогда прямо умереть съ голоду. Затѣмъ, Терентій не зналъ назначенія скопленныхъ Еремѣемъ денегъ и думалъ, конечно, что онѣ все равно пойдутъ по вѣтру. Наконецъ, совершивъ, хотя и по чужому приказу

грѣхъ, Терентій потомъ уже не имѣетъ покоя отъ угрызеній совѣсти, а пришедшуюся на его долю часть денегъ (львиную долю беретъ себѣ, конечно, Филимоновъ) несомнѣнно откажетъ послѣ своей смерти на богоугодныя дѣла.

Положительный типъ — добрая и сострадательная Матица, хотя она и гулящая. Такою она стала не по собственной волѣ, а совѣсть и сознаніе грѣха не оставляютъ ее всю жизнь.

Положительными типами могутъ быть названы также Яковъ Филимоновъ, Митрій («На плотахъ»), добрая и ласковая Анфиса, старикъ Чабанъ («Мой спутникъ»), добрый и совѣстливый Мишка («Дѣло съ застежками») и даже отчасти бывшій церковникъ солдатъ въ разсказѣ «Въ степи», а также и ратующій за законъ и честность татаринъ Асанъ. Но всѣ эти герои—люди религіозные, а лучшіе изъ нихъ—и глубоко религіозные. Странное и знаменательное совпаденіе!

И у нѣкоторыхъ другихъ героевъ Горькаго минуты душевнаго обновленія и облегченія совпадаютъ, какъ у Ѳомы Гордѣева и Лунева, съ молитвою и посѣщеніемъ церкви. И мужикъ Василій, сознавъ безнравственность и грѣховность своей жизни (связи съ Мальвой), прежде всего вспоминаетъ о Богѣ и молится. Много нагрѣшившій мельникъ Тихонъ Павловъ («Тоска»), когда его начинаетъ мучить совѣсть и нападаетъ тоска,—вмѣсто того, чтобы покаяться и хоть сколько-нибудь загладить свои беззаконія, ѣдетъ обновляться духомъ въ трактиръ, и тамъ, среди кутежа и залихватскаго пѣнія, ему начинаетъ казаться, что онъ дѣйствительно, «возобновился»—но это ему только кажется и лишь на время кутежа: возвращаясь же послѣ него домой, онъ чувствуетъ себя вдвойнѣ плохо: къ прежней тоскѣ присоединяются еще «мерзкій горькій стыдъ послѣ четырехдневной кутежки» и жгучій стыдъ. Нельзя обновиться духомъ безъ Бога.

Во всѣхъ сочиненіяхъ Горькаго слышится глубочайшее недовольство людьми и всѣми созданными ими формами

жизни. Вообще сочиненія Горькаго есть одна изъ попытокъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, и взгляды его иногда поражаютъ своимъ сходствомъ съ антиморальною проповѣдью Ницше, хотя по всей вѣроятности, здѣсь нѣтъ прямого вліянія германскаго философа. Намъ кажется, что по мысли Горькаго, его сочиненія, подобно «безпокойной книгѣ», о которой онъ говоритъ въ разсказѣ подъ этимъ заглавіемъ или тому посланцу со дна жизни, о которомъ говоритъ Шебуевъ въ очеркахъ «Мужикъ», должны возбудить «святой духъ недовольства» въ душѣ самодовольныхъ и сытыхъ, мѣщански счастливыхъ людей, какъ колыхаетъ болото брошенный въ него камень. Это же онъ хочетъ сказать и избраннымъ имъ литературнымъ псевдонимомъ. «Въ сущности сами мы тоже падшіе и пожалуй очень даже глубоко падшіе... въ пропасть всяческаго самомнѣнія... предъ людьми, которые только менѣе хитры, чѣмъ мы, облеченные въ наши ветхія добродѣтели, хуже умѣютъ притворяться, чѣмъ мы притворяемся»— говоритъ одинъ изъ его героевъ въ разсказѣ «Болесь».— «Въ душѣ моей много ненависти—говоритъ уже самъ авторъ («Читатель»)—всѣ люди—нищіе». Такому направленію нашего автора, конечно, должны были способствовать и перенесенныя имъ житейскія невзгоды, хотя жизнь давно уже повернулась къ нему лицомъ и болѣе, чѣмъ сторицею, вознаградила его за нихъ. Такое отношеніе ко всѣмъ сколько-нибудь обезпеченнымъ людямъ еще болѣе усилило его интересъ и симпатію къ босякамъ и вообще ко всѣмъ стоящимъ «внѣ общества», которыхъ онъ притомъ гораздо лучше и ближе знаетъ, и заставило его отнестись къ нимъ завѣдомо пристрастно и изобразить ихъ въ неестественномъ романтическомъ свѣтѣ, съ явнымъ, что бы ни говорила извѣстная часть критики, преклоненіемъ предъ физической силой. И чтеніе сочиненій Горькаго можетъ быть полезно для всѣхъ обезпеченныхъ и имѣющихъ вліяніе людей (хотя по разнымъ причинамъ Горькаго тяжело читать), такъ какъ лишній

разъ напомнить имъ о павшихъ и несчастныхъ людяхъ и о той долѣ вины, которая здѣсь несомнѣнно лежитъ на всѣхъ насъ; но для людей увлекающихся и малоинтеллигентныхъ, неспособныхъ разобраться въ массѣ острыхъ, даваемыхъ Горькимъ впечатлѣній, оно не можетъ быть признано ни здоровымъ, ни желательнымъ.

Своей отрицательной сторонѣ произведенія Горькаго въ значительной степени хотя далеко не исключительно, обязаны своею силою и своимъ шумнымъ успѣхомъ,— какъ критика современнаго матеріалистическаго строя жизни, въ которомъ почти нѣтъ мѣста высшимъ запросамъ человѣческаго духа. Но что̀ дало Горькому эту силу, и во имя чего возстаетъ онъ противъ людей и созданныхъ ими формъ жизни? Эту силу даетъ вообще и въ частности дало Горькому ученіе Христа (все равно—сознаетъ или не сознаетъ это самъ Горькій), ибо только лишь въ немъ указано, какимъ долженъ быть человѣкъ,—и лишь во имя Того же Христа и Его попраннаго людьми нравственнаго закона можетъ онъ возстать противъ людской неправды и злобы. Внѣ Христа, внѣ Евангелія возродить людей нельзя и требовать, и добиться отъ нихъ правды и сочувствія ко всѣмъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ униженнымъ и оскорбленнымъ. Жизнь безъ вѣры въ Бога—жизнь мертвая. «Кто не можетъ ни во что вѣрить, тотъ не можетъ жить... тотъ долженъ погибнуть»—говоритъ Татьяна Безсѣменова. И Лука старается прежде всего и главнымъ образомъ внушить костылевскимъ ночлежникамъ вѣру—вѣру въ себя, въ свои силы. И пока Горькій не сознаетъ этого вполнѣ,—онъ не дастъ, какъ не далъ доселѣ, ничего положительнаго. А однимъ отрицаніемъ, хотя «работа разрушенія легкая и пріятная работа» (слова самого Горькаго—«Мужикъ»), жить нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, несчастные герои Горькаго, страшно мучащіеся вопросами о цѣли и смыслѣ жизни, не только не могутъ разрѣшить этихъ вопросовъ, но дохо-

дятъ до полнаго отрицанія всякаго смысла и цѣли жизни, равно какъ и правды, такъ что имъ остается только погибнуть, что̀ и бываетъ. И это оттого, что они ищутъ разрѣшенія этихъ вопросовъ внѣ Евангелія. Правда, по словамъ Сатина, Лука говорилъ, что «люди для лучшаго живутъ», но раньше тотъ же Лука говоритъ (и уже самъ, а не въ чужой передачѣ), что люди «хотя хотятъ все лучше, а живутъ все хуже».

Есть у Горькаго двѣ прелестныя и глубоко правдивыя картинки. Въ густомъ сѣромъ туманѣ, среди свинцово-сѣрой мути, плыветъ пароходъ. Подъ шумъ пароходныхъ свистковъ и звонковъ, пароходной команды и злой ругани, въ уголкѣ кормы раздаются тихія благочестивыя искреннія рѣчи странника Мирона. И будятъ эти рѣчи душу и совѣсть не только окружающихъ странника людей, но проникаютъ свѣтлымъ лучемъ и въ полную непроглядной тьмы и мути душу Ѳомы Гордѣева, и легче становится Ѳомѣ, и уже готова разсѣяться кромѣшная тьма, наполняющая его душу...

Въ сторонѣ отъ пьянаго и шумнаго ярмарочнаго гомона и пьяныхъ пѣсенъ («Ярмарка въ Голтвѣ») раздается торжественная успокоивающая музыка и молитвенное пѣніе. Это слѣпецъ поетъ пѣсни и аккомпанируетъ себѣ на гармоникѣ (подобная картинка есть и у Глѣба Успенскаго). А кругомъ слѣпца стоятъ безъ шапокъ люди съ благоговѣйными и глубоко серьезными лицами, молятся и вздыхаютъ, и видно, что люди эти дѣйствительно обновляются душой. Вотъ откуда идетъ обновленіе человѣка. И если Горькій сознаетъ это,—благо будетъ не только для него, не только для его таланта, но и для всѣхъ его многочисленныхъ читателей.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Декабря 2 дня 1903 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

Москва. Университетская типографія, Страстной бульваръ. 1903 г.

3 = ФЕВ' 1969